

БЕРЕГИТЕСЬ ДЕДУШКИ

МАРГАРИТА АРДО

Маргарита Ардо

Берегитесь дедушки

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48457477*

Аннотация

Никому не запрещается верить в чудеса, даже если тебе за сорок, в арсенале неудачная личная жизнь, целлюлит и дедушка. Но когда в воздухе пахнет конфетами, мандаринами и Новым годом, чудеса случаются сами. Наташа не думала об этом, она лишь решила помочь незнакомцу, застрявшему в метель в чужом городе.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Маргарита Ардо

Берегитесь дедушки

Глава 1

В густой синеве над узкой улицей парили белые хлопья, кружились искристо под фонарем. Прижавшись коленями к батарее, Наташа задумчиво смотрела на игру снежинок. Дома тепло. И на улице чудесно, если не высовывать нос за порог. Можно наблюдать из окна, как встряхивает зима пуховое покрывало над городом и околдовывает его. Снежную дрему будоражил лишь звук буксующей машины. Рядом уже с час надрывался какой-то автомобиль. Остальные водители давно побросали своих железных коней на подъеме и пешком разошлись по домам. А этот упорный.

Метель не прекращалась третий день: то сыпала прохожим за шиворот колючую крупу, то вставала непроглядной стеной косых штрихов, то затихала, превращая улицы в ожившую рождественскую открытку... Над крышами домов напротив выросли метровые белые шапки. Старенький Опель соседа почил под снежным холмиком. Сугробом на отливе закрыло Наташино окно почти до середины. Она дохнула на стекло и потерла его рукой. Подумаешь, метель? Зато узоры на стекле красивые, сказочные.

Наташе уже прилично перевалило за сорок. Но отчего-то в предновогодний сезон она, взрослая тетя с прилично округлыми бедрами и заметным животиком, регулярно закрашивающая седину и втирающая перед сном крем от морщин, начинала чувствовать себя, как дошкольница. Наташа с неподдельным восхищением разглядывала в магазинах елочные игрушки, ей хотелось прыгать в снегу, швыряться снежками и кататься на санках. Но возрасту это не приличествовало, а прикрыться детьми и внуками не удавалось за неимением оных. Потому Наташа только чаще улыбалась в эти дни и привычно мечтала о чудесах. Она замедляла шаг у Новогодних базаров, любуясь соснами и елями, с радостью вдыхала запах хвои и покупала себе на ужин мандарины и шоколадные конфеты. На собственную стройность Наташа давно махнула рукой. Пусть она и пышечка, но вроде бы не дурнушка. Особенно, когда улыбается. А рассматривать ее фигуру в neglige попросту было некому.

Зато какое было наслаждение – смаковать чернослив или миндаль в шоколаде под чашечку чая, читать о возвышенных чувствах, забравшись с ногами в кресло. Или скрыться в своей комнате и смотреть до часу ночи фильм, неторопливо счищая все до последней белые прожилки с мандарина, и откусывать маленькими кусочками, как в детстве, шоколадно-песчаный «Кара-Кум». Разве можно было отказаться от такого удовольствия ради запоздавшего принца, который к этому времени наверняка осел в каком-нибудь офисе и по-

терял интерес к приключениям. Скорее всего, даже поседел и женился в третий раз, так и не разыскав ее, Наташу.

В общем, не сложилось. Грустно? Да нет, не очень. В сорок лет Наташа поставила на печали о несбывшейся любви крест и решила радоваться тому, что есть. Надо сказать, конфеты чрезвычайно способствовали возникновению простых радостей, как и округлению некогда прелестной фигурки.

А за окном продолжали визжать шины, прокручиваясь по наледи. Водитель не сдавался. Наташа покачала головой – упорство, достойное осла. На стекле, в согретом ее дыханием пятнышке отразилось ее лицо, абы как собранные на затылке волосы – лишь бы в глаза не лезли. Щекастый хомяк, да и только.

Ртутный столбик на градуснике сполз к минус тридцати, и Наташе стало жалко водителя. Замерз, поди. Она взглянула на фарфоровую чашечку с недопитым чаем, обертки от конфет на столе, сверкающие фольгой меж только что купленных новогодних игрушек, и ей стало стыдно. Легко осуждать замерзающего человека, сидя в тепле и уюте. Жуткое свинство с ее стороны!

Затянув потуже пояс на толстом махровом халате, и вообще превращающем ее в розовый колобок на ножках, Наташа пошла ставить чайник. Из-под двери бабушкиной комнаты тянулась полоска света – опять зачитался.

Не найдя в шкафу одноразовых стаканчиков, Наташа махнула рукой и налила темную дымящуюся жидкость, разно-

сящую на всю кухню запах зеленого чая и сакуры, в высокую кружку с надписью «Лучшему дедушке» и разухабистым моряком в тельняшке. Не взглянув на себя в зеркало – к чему прихорашиваться в полночь – Наташа сняла с крючка в коридоре старое пальто, больше похожее на ватное одеяло с рукавами, нахлобучила первую попавшуюся шапку и вступила ногами в дедовы галоши с мехом внутри. Едва Наташа распахнула дверь, лицо неприятно окропило снегом, от холода ощутимо защипало щеки. Наташа зажмурилась, прикрыла чашку с чаем фарфоровой крышечкой. Шагнув с крыльца она провалилась в снег. Будто днем и не чистили совсем.

* * *

Он сидел и проклинал все на свете. То ли от нервов, то ли от холода Игорь Калганов, вполне преуспевающий менеджер среднего звена, сжался в комок.

– Да, я приеду. Не нужно снимать бронь! – раздраженно кричал он в гарнитуру мобильного телефона, стискивая пальцами в кожаной перчатке руль служебного Форда и снова нажимая подошвой фирменного итальянского ботинка на педаль сцепления. – Задерживаюсь. Девушка, вы что, на улице не были?!

Черт бы подрал эту командировку! И этот город с нечищеными дорогами!

Краем глаза Игорь заметил, как приземистая темная фи-

гура отделилась от калитки углового дома и, неуклюже переваливаясь в снегу, направилась к нему. Игорь взглянул небрежно. Старая тетка в бушлате до земли и шапке, нахлобученной по самые брови. Надо же в таком ходить! В общем, в этом возрасте уже все равно... Она постучала в стекло.

– Подождите, – буркнул он в телефон непонятливой собеседнице, наклонился к дверце с пассажирской стороны, нехотя приоткрывая ее: – Ну что вам, бабушка?

Тетка застыла, потом засопела возмущенно и, шмякнув с размаха чем-то о капот, бросилась прочь. Резво, почти бегом, сметая перед собой сугробы, как атомный ледокол «Ленин». На капоте осталась большая кружка, из которой в морозный воздух поднимался дымок. Ошарашенный Игорь уставился на рисованного моряка в бескозырке. Нарочно не придумаешь: бабка..., нет, скорее все-таки тетка, судя по прыти, принесла ему, незнакомцу, посреди ночи чаю и убежала. Что за ерунда?! Игорь поморщился. В душе заскребли кошки, и раздражение, скопившееся за долгий вечер, растворилось, уступив досаде и недоумению. Черт побери, она была первой за день, кто проявил человечность, а он в ответ ее оскорбил... Не в правилах Игорях было хамить женщинам. Даже если она и приходилась одноклассницей бабе Яге, надо бы извиниться. Он поднял воротник.

– Не снимайте бронь. Я оплачу лишние часы, – рявкнул он в трубку администратору гостиницы и отключился.

Наташа вбежала в дом, даже не думая запереть калитку.

Бабушка! Она бабушка! Господи... Вот так и подкрадывается старость, о которой не думаешь, о которой тем более забываешь, раскладывая елочные игрушки и вырезая снежинки. Ясли, школа, университет – все это было словно вчера. И вот, о ужас, ее называли ба-буш-кой.

От этого внезапного ярлыка хотелось рыдать. Какая уж тут вежливость? Нет, обидел ее совсем не водитель, которого Наташа и разглядеть толком не успела, а это первое, внезапное признание старости. Момент, трагичный в своей неизбежности, момент, которого бояться все женщины, тем более одинокие, наступил. В ушах зловеще забила воображаемая барабанная дробь.

Наташа сбросила на пол в коридоре дрянное пальто и га-лоши, метнулась к зеркалу над раковиной в кухне. Всмотрелась в себя, провела ладонью по разругавшемуся от мороза лицу. Ведь морщин почти нет. Ну, чуть-чуть, возле глаз... Наташа стиснула зубы и вытерла слезу. Стянула с волос резинку, и густые пряди рассыпались, касаясь кончиками плеч. Разве она старуха?

Внезапно вызвал бешенство увеличивающий фигуру уютный розовый халат. Наташа развязала пояс и нервно сдернула его, продолжая критично рассматривать себя в зеркале.

Осталась в одной майке на бретельках. Стянула сзади хлопчатобумажную ткань, пытаясь подчеркнуть округлую талию. Обидно было до слез. «Бабушка! Как у него язык повернулся?!»

Что-то хрустнуло на улице. Кот? Наташа повернулась к окну, выходящему во двор, и оторопела. За мелкими листьями фикуса Бенджамина, по ту сторону стекла на нее пялился высокий голубоглазый мачо с редкой проседью в черных волосах, с красными от мороза щеками, в элегантной дубленке, с по-европейски небрежно завязанным на шее шарфом. Настоящий красавец средних лет. Итальянец? Француз? Откуда здесь?

Наташа так растерялась, что неизвестно, сколько бы еще простояла в нижнем белье перед незнакомым мужчиной, если бы не отблеск металла над его головой. Послышался глухой удар. Мачо закатил глаза и начал оседать в снег. За его спиной с победным видом стоял дедушка с лопатой.

* * *

– Туся, не верещи! Дышит он, дышит. – Не по возрасту удалой дед сверкнул глазами. – Не позволю, чтоб на мою внучку пялился какой-то...

– Дедушка, сколько ты будешь меня блюсти?! Я уже даром никому не нужна, – буркнула Наташа. – Этот вообще меня старухой обозвал.

– Тем более извращенец... – дедушка стиснул древко лопаты так, будто это было копье Нибелунгов, и Наташе стало страшно за мачо.

– Перестань, деда.

В свои девяносто дед был гиперактивен и бодр – все благодаря тибетской йоге, которую Наташа делать ленилась, но всегда согласно кивала при прослушивании лекций о здоровом образе жизни и обещала начать завтра. Однако ничего более отдаленного, чем честно обещанное завтра, не существует.

Дедушка приподнял козырек шапки и зыркнул в сугроб:

– А когда он успел стибрить мою кружку?

– Он не стибрил, – вздохнула Наташа. – Лучше скажи, что теперь делать? Боже мой, а если у него сотрясение мозга? Или ушиб? Днем пришлось тете Вале из второго дома укол делать, потому что скорая застряла на подъезде. Так что к нам тем более не проедут. А когда очнется, он же может полицию вызвать...

– Не паникуй, Туся. Полиция тоже застрянет. А нет, так пусть его и забирает, – сдвинул брови дед и начал бурчать: – Медом им тут намазано. То коты в сад лезут, то голуби гадят. Не хватало еще околевшего маньяка до полной коробочки. Чего стоишь? Давай сюда тачку.

Наташа бросила взгляд под навес и выкатила тележку, по виду больше приличествующую рыночным грузчикам. Поднатужившись, они с дедом уложили на платформу тяжелого,

как два мешка картошки, мачо и покатали его по расчищенной дорожке к крыльцу.

– Скажи, деда, что ты вообще делал во дворе ночью? – недовольно поинтересовалась Наташа.

– Снег чистил.

– Самое время, – пробормотала себе под нос она.

* * *

– ...специально купила, чтобы...выводить от чая. Сейчас ему дам... – услышал Игорь взволнованный женский голос.

Игорь не привык полагаться на случай, поэтому поспешил очнуться. Не успел. В нос пахнуло чем-то отвратительным. Калганов отдернулся и ударился обо что-то железное. Он сморщился снова и схватился за темечко.

– Что за гадость? – начал он подниматься, быстро моргая и пытаясь рассмотреть круглую розовую фигуру перед собой. Наверное, та самая... В душу Игоря закрались сомнения: – Отчего я выключился?

И тут он осекся, увидев зеленые с солнечными лучиками глаза. Блестящие. Растерянные. В пушистых ресницах. Розовевшиеся щечки. Густые каштановые волосы. Подумалось, что если б купидоны со старинных рождественских открыток выросли и продолжали хорошо питаться, со временем они бы выглядели именно так. Ну разве что не в дурацком розовом халате. А грудь... была бы у амурчиков вот та-

кая пышная грудь? Хм... И он ее назвал бабушкой? Идиот.

– Вас дедушка стукнул. Лопатой, – сообщила возрастная купидонша и показала вонючий пузырек. – А это нашатырь. Им пятна от чая выводят...

В голове Игоря пропел кто-то залихватски: «Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой», только в данном случае вышло все наоборот. Калганов подскочил со странного сооружения, оно покатилося, менеджер споткнулся и чуть не упал. Наконец, ему удалось принять вертикальное положение:

– Я собственно хотел...

– Знаем мы, чего ты хотел, подглядывальщик, – вышел из-за спины дед в вязаной шапочке с кривым козырьком, его сморщенное, как чернослив, лицо преобразилось в зверскую гримасу: – Постеснялся бы!

– В чем вы меня обвиняете? И почему отсчитываете, как мальчишку? – вспыхнул Игорь, отдергивая полы дубленки, словно гусарский мундир.

– Был бы мальчишкой, за уши б тебя отодрал, – окрысился дед.

Игорь выпрямился, гордо вскинул подбородок и поправил шарф. Старику явно пришлось бы попрыгать, чтобы оттаскать мачо за уши, но выглядел дед агрессивно. Стало ясно, что этот если не допрыгнет, то стул подставит и надерет. Но Игорь и сам был не в духе, как любой голодный, замерзший мужчина, и полез на рожон:

– По-моему, мы с вами на брудершафт не пили, отчего вы мне тыкаете?

– Лопата на брудершафт тоже сойдет, – нагло заявил дед и подбоченился.

– Дедушка, перестань, ты все не так понял! – укоризненно выкрикнула незнакомка в розовом халате и пробормотала Игорю: – Вы уж извините деда. Его с детства приучали быть бдительным. До сих пор везде шпионы мерещатся. К тому же передачи по телевизору не позволяют снизить градус бдительности. Вот он и кинулся мою честь защищать, – и участливо поинтересовалась: – Голова сильно болит?

– Нет, ничего, – ответил Игорь и вспомнил, зачем он, собственно, направился сюда. – Я должен извиниться перед вами. Выдался сумасшедший вечер, я говорил по мобильному, совсем не разглядел вас в темноте. Потому и вырвалось неуместное «бабушка». Ничуть не хотел вас оскорбить или расстроить, вы прекрасно выглядите!

– Спасибо, – опустив ресницы, Наташа улыбнулась.

«Совсем, как девчонка», – удивился Игорь, а затем, метнув сердитый взгляд на деда, вновь обратился к ней:

– И естественно я совсем не собирался разглядывать вас. Просто дверь была заперта. Я решил постучать в окно, а тут вы... В общем, дурацкая ситуация. Прошу прощения.

Дед втянул шею в плечи и кашлянул в кулак:

– Так что же, выходит, он не подглядывал за тобой, Туся?

– Нет, дедушка.

– Ой, – потупился дед и смущенно хихикнул, – конфуз вышел.

– Да уж, – отчего-то перестал сердиться Игорь, в голове заломило, и он невольно поднес руку к затылку.

Женщина встревожилась:

– Болит все-таки. Пожалуйста, садитесь, я вам холод приложу, чтобы шишки не было, – она подвинула к нему стул. – Садитесь, садитесь.

– Свою порцию холода на сегодня я уже получил, – пробормотал Игорь. – За время митинга машину занесло так, что выехать не получается. Боюсь, в гостиницу попаду не скоро.

– Митинг? – оживился дед. – Коммунист?

– Нет, дедушка, так в современном мире собрания называются, – пояснила женщина.

В глазах деда промелькнуло разочарование.

Незнакомка спросила, доставая из новехонького холодильника пластиковую форму с кубиками льда:

– Вы нездешний?

Игорь кивнул:

– В командировке. Кто знал, что отправляясь в ваш город, надо брать с собой лопату? Кстати, нельзя ли одолжить вашу – откопать колеса?

Дед тотчас сгруппировался, буркнул:

– Нет, – и рванул на порог. Оттуда уже выкрикнул: – Я сам откопаю. А ты лучше чаю попей, посиди, отогрейся.

– Э-э-э... – Не успел Игорь возразить, как деда уже и след простыл.

Наташа махнула рукой:

– Пусть откапывает. Он так извиняется за нападение.

– Я сам справлюсь. Чтобы я заставил пожилого человека вместо себя...

Игорь направился к двери, но женщина с улыбкой сказала:

– Не берите в голову, – сказала она. – Дедово поколение привыкло побеждать. Он чувствует себя виноватым, и знает, пока не наработается до пара из ушей, не заснет. Уж я дедушку знаю. Так что будьте к нему снисходительны, позвольте совершить этот маленький подвиг.

Игорю казалось странным, чтобы ему откапывал автомобиль посторонний старик, и все в нем противилось, но выходить на мороз из тепла и, правда, не хотелось. А женщина уже включила чайник и добавила:

– Вам действительно надо согреться и на затылок положить лед. Чаю или кофе?

– Пожалуй, чаю, – сдался Игорь и расстегнул дубленку.

Увидев его элегантный костюм, собеседница явно почувствовала себя неловко, и Игорь простил ей нелепый вид. Вряд ли она ждала гостей. В конце концов, он сам дома носит любимый вытянувшийся чуть ли не колен свитер с дырой подмышкой. В остальном по части внешности Игорь был педант – выглядеть с иголочки его приучила мама. Бывшая жена привила чувство стиля. Это помогало в карьере: руко-

водители экспаты¹ принимали его за своего; представительность была на руку на переговорах и в личной жизни – стильный, подтянутый мужчина его возраста с девушками имел куда больше шансов, чем неопрятный плешивец с пивным брюшком.

Хозяйка подала Игорю лед, обернутый в чистое полотенце, и принялась суетиться с чаем. Игорь тем временем рассматривал женщину. Нет, полнота ее была, конечно, излишней. Однако то ли свет так падал от энергосберегающей лампочки, то ли зрение подводило – давно уже пора заказывать очки, – но казалось, что кожа у незнакомки светится изнутри. Вся она была чрезвычайно домашняя, плавная и вызывала приязнь даже несмотря на безвкусный халат, шерстяные носки в полоску и растоптанные тапочки. Сколько ей? Сорок, больше?

Игорь привык к совсем другому типу женщин: либо к молоденьким девицам модельной внешности, которые охотно проводили с ним время, либо к леди в строгих костюмах, с коммерческим интересом в улыбке и экселевскими отчетами в глазах. Подобную женственную мягкость не излучали ни те, ни другие. А в этой женщине что-то было. Что-то забытое и хорошее. Такое ощущение испытываешь, когда щелкаешь каналы, никуда не спеша в воскресенье, и вдруг натыкаешься на фильм, который любил в детстве. И тогда совершенно плевать, что это не блокбастер и не хит сезона. Сидишь и

---

¹ От англ. Expatriate (совр.) – иностранный сотрудник, эмигрант

смотришь с удовольствием.

Игорь обернулся и взглянул в коридор. На вешалке – недорогой пуховик с песцом на капюшоне и тот самый жуткий ватник. Женская обувь на полочке, и старикинская. Явно мужа нет. Детей тоже.

– Вот, пожалуйста, – хозяйка с улыбкой поставила перед ним фарфоровую чашку на блюдце. Убрала вышитую салфетку с миски в красный горох, выставив напоказ пухлые домашние пирожки, от одного вида которых у Игоря потекли слюнки. Последним, что он ел сегодня, была пицца из коробки часа четыре назад.

Женщина поставила миску на столик и принялась показывать пальчиком с аккуратным маникюром:

– Это с грибами, это с капустой, а это с мясом. Угощайтесь. Вечером напекла. Деда попросил.

– Неужели сейчас кто-то печет дома? – изумился Игорь, выбрав мясное подрумяненное чудо. – О, еще теплый...

– Конечно. Разве ваша жена не стряпает? – Наташа плеснула из чайника во вторую такую же чашку кипятка и села напротив.

– Я не женат, разведен, – признался Игорь и с полным ртом, подбирая крошку у уголка рта пальцем, проговорил: – Давно не пробовал такой вкуснотищи! Как у моей бабушки.

– Спасибо, – ответила собеседница и посмотрела на него странно. Игорь тут же подумал, что в данной ситуации сравнивать ее с бабушкой – не самая удачная идея. Но женщина,

поправив челку, произнесла: – Нехорошо как-то не знать, с кем сидишь за столом. Меня зовут Наташа, а вас?

Поняв, что количество его оплошностей за этот вечер можно оправдать только мерзкой погодой, Игорь оторвался от пирожка и встал:

– Прошу простить, не представился сразу: Игорь. Игорь Калганов. Очень приятно.

– Мне тоже, – улыбнулась Наташа. – Вы издалека к нам приехали?

– Из Краснодара. Работаю там. Региональный директор по продажам. Кофе, – Игорь мотнул головой в сторону баночки на кухонном столе, – наш бренд. А вообще я москвич, недавно перебрался на юг. Так уж у нас принято – обязательная ротация через пять лет. Или меняешь должность, или пишешь по собственному желанию.

– Надо же! Я думала, людей с опытом больше ценят в таких компаниях, как ваша.

– Ценят, но политика свежей крови важнее. В целом, это даже хорошо. Не успеваешь закиснуть. Порядок есть порядок.

– Как в армии, – заметила Наташа.

– В некотором роде да. Разве что в армии не бывает корпоративов на круглые суммы и отчетов по продажам. В остальном – стратегии, поля... Красим, что называется, траву перед генералами, – увидев непонимающий взгляд собеседницы, Игорь пояснил: – В нашем случае трава – это мерчандай-

зинг – то, как выставлен товар на полке. Есть золотые стандарты, к примеру, столько-то баночек кофе на полке – это вам пятерка в карму. Но вы сами понимаете, в аутлетах... хм, извините, в магазинах покупатели могут забрать товар, продавцы переставить. Им-то начхать на наши КиПиАй². Поэтому не полагаясь на случай, при визитах руководства мы разрабатываем маршруты. Я еду в машине с топами, а впереди, за пару кварталов мчится тройка удалая – наш торговый, и пара мерчендайзеров с полным боекомплектom. За пять минут до нашего приезда ставят на полки все, чего не достает – кофе, батончики, шоколад. И фьють. Бонусы наши.

– Забавно. А если начальство попросит свернуть на другую улицу?

Игорь подмигнул:

– А на этот случай у нас всегда есть план Б – еще пару мини-вэнов с товаром.

– И как они узнают?

– Мобильная связь.

– Потрясающе. Просто шпионский боевик.

– А вы, Наташа, чем занимаетесь?

– Преподаю английский. Частным образом. И деткам, и взрослым. А так я тут родилась и выросла. Немножко вам завидую, всегда хотелось попробовать жить в другом городе.

– Отчего же не уехали?

– Не сложилось. Родители не хотели, потом бабушка бо-

---

² КРІ (КиПиАй) – ключевые показатели производительности

лела. Теперь не оставлять же деда одного?

– А дедушка у вас боевой. Сколько ему?

– Девяносто.

Игорь присвистнул:

– Живчик. Мне хотя б дожить до таких лет.

– В шестьдесят начал заниматься йогой, – проговорила Наташа буднично, словно рассказывала это сотню раз. – Каждое утро зарядка по полтора часа, обтирания, обливания. Качается до сих пор.

– Серьезный подход.

– Но возраст все равно берет свое. Иногда делает ужасно смешные вещи. А уж если ему что-то втемяшится в голову, – она указала на тележку, так и оставшуюся стоять в широком проходе между кухней и коридором, – к примеру, тачка. За лето дедушка сделал их три. Предполагалось, для того, чтобы не таскать с базара тяжести. Однако ваяет он их на совесть, и потому его колесные творения больше подходят для транспортировки артиллерийских снарядов по пересеченной местности, но никак не для походов на ближайший рынок. Судя по запчастям в мастерской, к весне ждем четвертую. Вероятно, это будет танк.

– Да он перфекционист.

– Совершенство должно быть достигнуто. Ну, как голова? – поинтересовалась Наташа, когда Игорь отложил в сторону полотенце со льдом.

– Больше не штормит, – заметил он.

– Я волновалась, что будет сотрясение.

– Нет, вроде. Ваш дедушка бил с точным прицелом, – усмехнулся Калганов и нехотя встал. Здесь ему было уютно и по-домашнему хорошо, словно не попал он в эту кухню при совершенно дурацких обстоятельствах, а пришел в гости к подруге, которую знал еще с детского сада, с которой вместе смотрели «Электроника» и ели эскимо. Игорю даже было жаль, что милая собеседница не в его вкусе, иначе вышло бы совсем сказочно. А Игорь в сказки не верил, и насчет чудес был большим скептиком. Он наелся, согрелся. Пора и честь знать. – Благодарю за превосходное угощение, однако я все же поучаствую в раскопках своего автомобиля.

– Дедушка все равно не отдаст вам лопату, – хмыкнула Наташа.

– Надеюсь, у вас есть вторая?

Дверь распахнулась, и в дом влетел дед:

– Все, товарищи. Принимайте работу!

Пока Игорь одевался, Наташа любопытства ради тоже накинула пуховик и надела сапожки. Подумала, что ватное пальто надо бы сжечь. Они отправились за дедом. Тот шагал почти вприпрыжку, показывая, что «порох в пороховницах» был, есть и будет, поднеси спичку – устроит фейерверк. Распахнув калитку, дед с видом «знай наших» указал на очищенный от снега старый Опель соседа:

– Вот!

Серебристый Форд Игоря, стоящий на дороге, похоже, не

только припорошила метель, на него и дедушка щедро снежку подкинул, раскапывая, как бульдозер, припаркованный рядом Опель.

Глава 2

Наташа не могла заснуть. Лежала и смотрела в потолок.

Машину Игоря все-таки откопали общими усилиями, и он уехал. Поблагодарил вежливо, особенно за пирожки, еще раз извинился и укатил. Может, надо было предложить ему остаться?

Наташа усмехнулась: и куда его положить – к ней в постель или на старую тахту тети Ани, чтобы жизнь медом не казалась? Нет уж. Наташа никогда не делала первых шагов в отношениях с мужчинами и не собирается. Все равно это пустое, и ни к чему привести не может, ведь Игорь не проявил к ней ни малейшего интереса. Разве что улыбался как-то по-доброму и очень хорошо. Словно друг, тысячу лет назад уехавший из города и внезапно заглянувший на часок. Словно у них было общее детство, и лет тридцать назад они вместе ели пломбир и закапывали глупые секретики за школой. Кстати, прощаясь, Игорь улыбался так, будто этот закопанный ими секретик, до сих пор никто не раскопал.

Наташа вспомнила его высокий лоб, голубые глаза, мечтательно вздохнула и тут же рассердилась на себя: Игорь видел ее практически обнаженной, и этого хватило лишь на то, чтобы признать ее не-бабушкой. Неужели все так плохо? Но ведь раньше ножки-то у нее были очень даже ничего, а сейчас... Наташа откинула одеяло и подняла вверх обе ноги.

Задралась майка, и складки на животе сложились в гигантский смайлик, говорящий: «Вот он я, Целлюлит. Не ждала?» Наташа тут же стыдливо отдернула вниз хлопчатобумажную ткань, чтобы этого безобразия не было видно, и загрустила. А вот Игорь явно посещает спортзал...

Дедушка притих в своей комнате. Заснул.

Ветер, видимо, тоже зарылся в сугроб подремать. На улице стало тихо-тихо, а на душе у Наташи – сумрачно. Но скоро послышался поскрипывающий звук от шин по наледи, по стенам поползли желтые пятна от фар... Наташа вскочила с кровати и зайцем метнулась к окну. Сердце стукнуло радостно: вернулся? Не доехал до гостиницы? Или бронь сняли?

Увы. Мимо проехал неопознанный УАЗик.

Разочарованная Наташа насупилась, чувствуя, что ей хочется или убить кого-нибудь, или съесть сладкого. Достала из фарфоровой вазочки шарик в золотистой фольге. Но шоколад не порадовал, напротив, показался приторным и вызвал угрызения совести. Наташа представила, как от лишней конфеты на ночь злорадно растягивается улыбка целлюлитного смайла на животе, и скривилась. С горя открыла крышку ноутбука.

Олька, одноклассница, как обычно, засиделась в сети.

С жалостливым выражением лица, словно кто-то ее мог видеть, Наташа напечатала:

– Привет! А я совсем некрасивая?:(((

– *С ума сошла?! Ты чего вдруг?* – мгновенно отреагировала Ольга.

– *Так...* – ответила Наташа и почувствовала, как чешутся глаза.

– *Мдя, в 45 баба ягодка опять, а у тебя запоздалый кризис среднего возраста?:)*

– *Нет, меня сегодня бабушкой назвал один...* – и, не глядя, что там пишет Ольга, Наташа расплакалась.

Картинки и сообщения на экране затуманились. С упое-нием жалея себя, Наташа размазывала по щекам слезы. И уже совершенно было не важно, почему Игорь ее так назвал и зачем, ведь раньше такого не происходило! Раньше посторонние мужчины с ней хотя бы заигрывали, а этот... Гад просто, красивый, холеный гад. И встречается, наверное, только с моделями лет девятнадцати. У него, между прочим, одна рубашка стоит больше, чем ее выходное платье и туфли. Да она и не покупала новых платьев уже лет пять, наверное. Все только джинсы, брюки, что-нибудь удобное, практичное. Бегать по ученикам в любую погоду.

И зачем она понесла ему этот дурацкий чай?

Требовательный звонок мобильного заставил ее вытереть нос и взять трубку.

– Кто назвал? Какая еще бабушка?! Да я ему! – судя по Олькиному тону, она была готова как минимум посадить на кол этого мерзавца.

– А он такой краси-и-ивый, – потянула с жалобной уко-

ризной Наташа, всхлипывая. Но после второго требовательного вопроса, рассказала все, что произошло.

– И что? Что ты себе вбила в голову, Марфутка-Самоедка? Нечего тут комплексы возвращать буйным цветом! Подумаешь, какой-то тип не разглядел в темноте?! Сама напялила на себя костюм «Прощай, молодость» и жалуешься. Он что, тебе понравился, а?

Наташа перестала плакать и отрицательно замотала головой:

– Нет, ну, он красивый, конечно. Но зачем мне такой? Зачем мне вообще какие-то отношения? Мне и одной хорошо. Я уже привыкла.

– Вот именно, – с облегчением проговорила Олька. – Тебе и дедушки хватает. Тот еще командир. А если захочешь, я тебя с Юрий Васильичем познакомлю, с работы. Хороший, между прочим, мужик. Не мачо, конечно. Зато нос не задирает. И, кстати, полненьких любит.

– Значит, я все-таки толстая, – резюмировала Наташа с горечью.

– Слушай, прекрати, а? Ты – женщина в самом соку, красивая и аппетитная.

– Спасибо, – совсем не радостно сказала Наташа. – Аппетитные у меня пирожки. Игорь так и сказал. Так что не льсти мне.

– А я и не льщу, – вспылила Олька. – И вообще была бы ты не такая разборчивая, и поменьше бы возилась с папа-ма-

мами и деда-бабами, давно б уже сидела с мужем и семью детьми-переростками.

– Угу.

– Еще, между прочим, неизвестно, кто счастливее – я с моими оболтусами или ты, Наташка. Представь, тебе не надо про ЕГЭ нервничать или за сына перед классной краснеть. А с дочкой? Ой, это ужас! Тебе, заметь, не приходится, глядя на ее страницу вконтакте, гадать, «в активном поиске» кого она сейчас, и не покажет ли мне завтра тест на беременность вместо зачетки. А муж... Думаешь Алик мне помогает? Щаззз. Он или на работе, или футбол смотрит с пивом в обнимку. Нет, ты счастливая, Наташка, правда. Сама себе хозяйка. Делаешь, что хочешь и когда хочешь.

– Угу, – кивнула Наташа, думая, что если б у нее были муж и дети, наверное, было бы все не так, как у Оли. А даже если и так, все равно...

Хотя нет, вряд ли Игорь пьет пиво дома, лежа на диване в дырявом свитере, и он не смотрит футбол. Он точно не такой.

Надо признать, что в мыслях Наташи об Игоре активно чередовались два понятия «гад» и «не такой». Ее кидало от одного к другому со скоростью торнадо. Какое из них восторжествует, она не знала сама. Наташины щеки пылали, сердце билось быстрее, как у семнадцатилетней, но при этом начинало тикать в висках. Надо бы померить давление...

– Угу-угу. Как сова, честное слово, – отчитала ее Олька

и заявила: – Все, решено. Послезавтра мы с тобой в театр, на Щелкунчика, как собирались. А в воскресенье я тебя знакомлю с Юрь Васильчем. С ним не соскучишься!

Тот сразу же представился Наташе веселым, полноватым дядькой с лысиной на макушке и потными руками. Не рыцарь, конечно. Но от нахлынувшей тоски Наташа была готова познакомиться хоть со Змеем Горынычем, лишь бы успокоиться. Игоря все равно она уже не увидит. Ни-ког-да.

Что касается Олькиного коллеги, Наташа заранее чувствовала, что ни к чему это знакомство не приведет. Олька, как обычно, прийти не сможет, и они с ним встретятся в стандартном сетевом кафе. Поговорят о погоде и пробках. Он закажет пиво, она – кофе. Он станет рассказывать бородастые анекдоты. И сам над ними смеяться. Спошлит немного. Она посидит чуть-чуть, борясь с неловкостью, а потом сошлется на дела, и уйдет, забыв оставить номер телефона. Он еще пару раз напомнит о себе через Ольку. А к Новому году все встанет на свои места, и Наташа снова с удовольствием будет есть конфеты с мандаринками, смотреть «Иронию судьбы» и вполуха слушать дедушкино ворчание.

«Да, так и будет», – решила Наташа, снова оставшись наедине с темнотой. Она улеглась, натянула уютное, теплое одеяло с большими красными маками на пододеяльнике и собралась спать, но сквозняком колыхнуло штору и висящего на ней ангела с колокольчиком в руке. Раздался нежный звон, и в душу Наташи снова закралось волнительное пред-

вкушение чуда, глупая, ничем не оправданная надежда на сказку. До мурашек захотелось побыть Золушкой! Ну, хоть немножечко!

* * *

К пятнице снег утоптали, в магазинах раскупили лопаты, горожане сплотились, потеплев сердцем во внезапно грянувших морозах, отчего, наверное, и на улице слегка повысился градус. И только тогда, наконец, снегоуборочные машины выползли на улицы, подобно Тайским громовым драконам, которые поедают снег.

Троллейбус по черепаши прокрался вдоль грязной снежной насыпи и распахнул с громким шипением двери. Наташа прыгнула с подножки, чуть не подвернула ногу, поскользнувшись, и устремила к грандиозному музыкальному театру, выстроенному в виде белого рояля. Несмотря на зимние перипетии, в фойе толпились люди.

– Наташа! – звонко выкрикнул знакомый голос.

Олька стояла у колонны рядом с гардеробной и, как всегда, выглядела шикарно: стройная, в норковом палантине поверх элегантного шерстяного платья, с театральным клатчем под мышкой, в замшевых сапожках, с укладкой и при полном макияже. Наташа привыкла, что все обращают на подругу внимание, а на нее – не очень. И пусть у Наташи волосы гуще, глаза выразительнее, и ресницы свои такие, а

не наложенные искусственно во много слоев, Олька научилась себя подавать, а Наташа... Наташа, наверное, не особо старалась. Зимой и подавно: главное, чтобы было тепло и не скользко.

Дружили они с первого класса, как говорится, и в горе, и в радости... Более чем за три десятка лет знакомства всего хватило.

Олька помахала билетами в воздухе.

– Чуть не забыла, представь? – и увидев имидж Наташи, нахмурилась: – Слушай, мы вроде на балет выбрались, а не на собрание заводского профсоюза.

– Не успела переодеться, – ответила Наташа, – хотела домой забежать, но такие пробки... Так что я прямо с урока. Да кто на меня будет смотреть?

– Ох, Наташка, – покачала головой Оля. – Ладно. Есть хочу, как зверь.

– А я орешки в сахаре захватила. Будешь? – поторопилась предложить Наташа и сунула руку в большую черную сумку, набитую учебниками.

– Ты в своем репертуаре, мать-кормилица, – хмыкнула Олька, покосилась на людей вокруг и шепнула: – Потом. Потихоньку. А то неудобно. Я, кстати, заказала столик в буфете на время антракта, чтобы потом не пинаться в очереди.

– Ты ж моя умничка! – ласково сказала Наташа, и они степенно принялись подниматься по беломраморной лестнице в холл под многоярусной хрустальной люстрой, искрящейся

огоньками и навевающей мысли о дворцах прежних эпох.

На секунду зажмурившись, Наташа представила, что на ней воздушное платье, касающееся пышными юбками пола. Шуршит шелк, развевается шифон... Вообразить хрустальные туфельки на ногах мешали толстые шерстяные колготки, но это пустяк. Наташа с удовольствием вдохнула запах театра и, распахнув веки, тут же поперхнулась воздухом. Вверху у балюстрады мелькнул профиль Игоря. Всего лишь на мгновение.

– Ай, ты чего? – вскрикнула Ольга.

Наташа поняла, что вцепилась, как испуганная кошка, когтями в руку подруги. Не долго думая, Наташа резво развернулась и потащила Ольгу вниз по лестнице:

– Нам нужно в туалет.

– Зачем? – не понимала Ольга.

Наташа сделала большие глаза:

– Там. Он!

– Кто он?

– Игорь!

– Ого, – опешила Ольга, еле успевая перебирать каблукми вслед за Наташей.

Едва они оказались за дверью дамской комнаты, Наташа взглянула в зеркало, поморщилась и требовательно повернулась к подруге:

– Снимай.

– Что снимай?

Наташа подтянула Олю к себе так, чтобы их отражения оказались рядом:

– Сама смотри... – взволнованно забормотала она. – Там он! А я... Ты вообще меня любишь?

– Люблю.

– Готова пойти на жертвы?

– Видимо, у меня просто нет выбора, – хихикнула Олька. – Но в платье мое ты, наверное, не влезешь... Прости.

– А палантин? Отдам сразу после театра.

Олька разоблачилась и потянулась расстегивать золотое кольцо:

– Кофту свою учительскую давай сюда, Золушка. И сапоги снимай.

– Я же растяну твои.

– Эх, когда я еще почувствую себя феей-крестной?

Через несколько минут из дверей туалета показались две преображенные женщины. Наташа шла на шпильках, в роскошном палантине, с небрежной, но элегантной прической на распущенных волосах и умело нанесенным Олькой макияжем.

– Господи, что ты носишь в этой кошелке? – возмутилась подруга, чувствуя, как ей оттягивает плечо.

– Знания, – виновато улыбнулась Наташа. – Потерпи, котенок, один разочек! Плииз!

– С тебя пирог с мясом и компот с сухофруктами за мои страдания.

– И мой фирменный торт «Мишка», – счастливо выдохнула Наташа, стиснув под мышкой модный клатч.

Подумать только, несколько штрихов, и Наташа почувствовала себя легче на десять килограмм, моложе и красивее. Практически фотомодель. Она парила по-над мрамором, излучая счастье и легкую тайну. Пожилой мужчина у входа в концертный зал взглянул на нее с интересом. Ему было невдомек, что загадочность лицу Наташи придавало избавление от толстых шерстяных колготок, иначе Олькины сапоги просто не застегивались...

– Ну что? – прошипела Олька на ухо. – Где он?

Наташа обвела взглядом холл. Игоря нигде не было.

– Не вижу, – растерянно пробормотала она.

– Даже если он тебе померещился, от торта и пирога тебе не уйти, – сквозь улыбку выдавила Олька. – Потому что вон оттуда, слева, на меня уставилась жена моего босса, а она подруга нашей бухгалтерши. Значит, завтра весь офис будет обсуждать мой стиль «мешок и валенки».

– Я тебя люблю, – примирительно сказала Наташа.

И они гордо внесли себя в партер.

* * *

Люди рассаживались по красным бархатным креслам в рядах. А Наташа вертела головой из стороны в сторону, высматривая Игоря. Тщетно. Неужели, правда, показалось?

В зале погас свет, дирижер взмахнул палочкой, и скрипачи, как один, аккуратно коснулись смычками струн. Поднялся занавес, позволяя любопытным взглядам зрителей проникнуть на новогодний бал. Там, на сцене, все было почти по-настоящему: свечи, аристократические гости в белом, розовом и голубом, елка с раскидистыми лапами, украшенная громадными золотыми шарами, почтенные старики в напудренных париках, раздающий игрушки фокусник в черном балахоне, расшитом звездами, мальчишки с саблями и стайка девочек в кисейных одеждах.

Нежное скрипичное стаккато, чудесные декорации и наряды танцоров не тронули Наташу так, как обычно. К слову сказать, если кто-то тридцать первого декабря по традиции посещает в баню, то наши подруги уже много лет в предновогодний месяц ходили на Щелкунчика. Но сегодня все было иначе: Олькины сапоги жали, сердце само подскакивало в ритме стаккато аллегро, и от волнения горели щеки.

Действо на сцене продолжалось. Олька шепнула:

– Где же твои орешки? – и протянула учительскую котомку.

Из-под увесистой грамматики Мёрфи и пары рабочих тетрадей Наташа извлекла пластиковую коробочку с засахаренным арахисом. Подруга с видом нашкодившей, но довольной кошки осторожно открыла ее и положила в рот орешек. Наташе было не до сладостей, а вот стриженный почти на лысо мужчина справа посмотрел на орешки с завистью и вожде-

нием. Проникнувшись к нему сочувствием, Наташа уже хотела было передать коробочку, но вовремя заметила недобро вспыхнувший взгляд спутницы «осужденного на балет». Наташа притворилась, что ничего не заметила, и вперила взгляд в танцующих на сцене детей.

В Наташиной голове завертелись мысли: «А вот Игорь не такой. Он наверняка наслаждается музыкой, и не сидит с понурым видом. Игорь – эстет, сразу видно. Даже в командировке не мог пропустить Щелкунчика! Не удивлюсь, если он и в Венской опере бывал, и в Мариинке, и... Ах, неужели бывают такие мужчины?! – заранее восхищалась Наташа, чувствуя, что, увидев предмет своих волнений, будет способна прямо с кресла воспарить в прыжке па де пуасон не хуже балерины в пачке. Но тут же в груди похолодело: – Боже, а вдруг он не один? Вдруг с какой-нибудь супер-пупер красавицей? И тут я... С выходом из-за печки. Ой, мама... Наверняка так и есть. Боже, ерунда какая! Все, не буду даже думать о нем. – Но с очередным тактом оркестра на Наташу вновь накатывало: – Ах, как хочется на него посмотреть... Хоть глазком! Господи, если ты есть, пожалуйста-пожалуйста... Скорей бы, скорей бы антракт! – и тут снова: – Ой, я, наверное, выгляжу нелепо в Олькиных вещах. Нет, лучше не встречать его совсем...»

И так по кругу.

К концу первого действия драматизм Наташиных чувств достиг апогея, и она решила, что не сдвинется с места. Олька

потянула ее за руку, не церемонясь:

– Эй, мадам Фу-Фу, ты что? Там же столик накрыт! Твоих орешков мне на один зуб, вот если б ты захватила пирожков с капустой...

* * *

Из зрительного зала неслась музыка. Прислушавшись, Игорь невольно вспомнил, как смотрел Щелкунчика в Большом с бывшей женой. Нет, он, конечно, не слыл театралом. Хотя что-то во всем этом было. Ощущение лоска, аристократичности, утонченности? Возможно. Редкое удовольствие, сродни смакованию французского вина изысканного букета. Полтора-два часа в театральной ложе, и совершенно другое самоощущение недели на две.

Нынешнюю страсть Игоря, юную кубанскую красотку Снежану с великолепной грудью, тонкой талией и страстными восточными глазами в театр можно было затащить, разве что пообещав взамен что-нибудь бриллиантовое. Зато с ней секс... «А что секс?» – сам себя спросил Игорь, констатируя, что вне зависимости от физиологии с кем-то взлетаешь, с кем-то притягиваешься к земле. Пусть и секс хорош. Но как-то незаметно для себя сползаешь до звуков низкопробной попсы по утрам и ползешь себе дальше – грести деньги. Ползешь себе и ползешь, как гусеничный трактор. Мда, скучно.

– Нет, я не понимаю, как мне мотивировать команду торговых, если Москва утвердит эти планы? И так склады перетарены, скоро партнеры кофе нам за шиворот сыпать будут, – возмущался напротив Костя Щекочихин, такой же, как он, руководитель дистрикта³, только Нижегородского, налегая на спиртное. – Бонусов же тогда не видать!

– Да, – кивнул Игорь и подлил коньяка в пузатый sniff-тер. – У нас та же тема. Переход с партнеров на логистических операторов ситуацию не улучшил. Они все равно не хотят обслуживать лоу-страта, деревни то бишь. А здесь, на Юге, пятьдесят процентов территории – региональные точки, а не большие города.

Оркестр, который, кстати, играл весьма неплохо, умолк. Двери зала распахнулись, и оголодавшие любители балета ломанулись в буфет, эту святая святых любого театра. Здесь, в музыкальном, имелся не просто буфет, а настоящий бар от ресторана «Белый рояль». Игорь с ироничной усмешкой следил, как разряженные театральные старушки вперемешку с проджинсованной молодежью совершенно по-советски толкаются в очереди за чашечкой кофе и бутербродом. Что подтверждало аксиому: зрелищами сыт не будешь.

Судя по накрытым рядом столикам, лишь немногие позаботились о комфорте заранее.

– О! Пожалуй, я отвлекусь от нашей рутины на кое-что поприятнее, – оживился Щекочихин, встряхнув чубом. – И

---

³ От англ. District – округ, регион

тебе рекомендую. Но та, что в мехах, моя.

Игорь обернулся и увидел подходящих к соседнему столику женщин. Худую и поплотнее, с элегантно наброшенной на плечи норкой. В этой леди весьма приятной наружности он с удивлением узнал свою недавнюю знакомую. Несомненно, это была она. Только выше, худее и гораздо красивее, нежели пару дней назад. Неужто во всем был виноват эффект розового халата? Гм, а что она сделала со своими волосами?

Изумление его было так велико, что Игорь встал и подался вперед:

– Здравствуйте, Наташа!

– Добрый вечер, Игорь, – естественный румянец коснулся ее щек. Ни дать, ни взять тургеневская барышня.

Калганов не мог не заметить, как блестят ее зеленые глаза, отчего-то более яркие, чем тогда, вечером. В таком преображении виноват театр или все-таки удачный макияж? А, может, он просто не заметил всего этого тогда, из-за удара лопатой?

Щекочихин встрял в разговор:

– Так вы знакомы?

– Позволь представить тебе мою спасительницу: Наталья. Помнишь, я вчера рассказывал? – сказал Игорь.

После того, как все были друг другу представлены, Игорь отодвинул стул для Наташи:

– Присаживайтесь к нам.

– У нас заказан столик, – с некоторой гордостью ответила

она.

— А, может быть, мы тогда присоединимся к вам? — масляно улыбаясь, предложил Щекочихин. — Вы не будете возражать?

— Отчего же, — ответила Наташа и улыбнулась. — Тоже любите Чайковского?

Игорь зачем-то соврал:

— Да. Очень.

Положа руку на сердце, ему не хотелось признаваться, что они с коллегами решили посидеть в баре в двух шагах от гостиницы после занудной конференции и плохих новостей. Но посиделки не сложились: не выдержав звуков классики, парни быстренько разбрелись, кто куда, и остались лишь они с Костей.

К слову сказать, Игорь совсем недавно перешел из маркетинга в отдел продаж, и найти общий язык с сейлзами оказалось непросто: у них были другие интересы, уровень культуры, грубоватые порядки и армейские шуточки. Среди продавцов Калганов чувствовал себя, как скрипач в гуще разбитных чубастых экскаваторщиков, но чтобы получить выгодный контракт за границей, ему нужно было продержаться здесь молодцом хотя бы год и показать хорошие результаты. Поэтому Игорь готов был потерпеть и усиленно вливался в коллектив. Впрочем, все это было так неромантично...

Увы, подвыпивший Щекочихин не позволил создать нужную иллюзию.

– Ахахах, вы решили, что мы тоже на балет, да? Нет уж, извольте. Под Чайковского коньяк идет особенно хорошо, а еще лучше водочка! – радостно заявил он и подхватил бутылку со стола. – Пока народ накачивается классикой, мы тут с товарищем накачиваемся кое-чем покрепче...

Наташа с Олей посмотрели на него, как на умственно отсталого, а Игорю сразу захотелось отодвинуться от коллеги. Чтобы как-то исправить впечатление, Калганов заметил:

– Щелкунчик Чайковского неподражаем. Есть в этой музыке что-то волшебное.

– Правда. Она такая светлая, что рождает в сердце любовь, – сказала Наташа и тут же покраснела до самых ушей.

– О дааа, любофффь! – с видом демона-искусителя прищурился Щекочихин.

– К людям любовь, к людям. В широком понимании этого слова, – поспешила вставить Олька.

Лицо Щекочихина расцвело в смачной гримасе. Почувствовав, что тот выдаст сейчас какую-то несусветную пошлость, Игорь поспешил обратить внимание на возмущенные возгласы из очереди у стойки:

– Забавно, впервые встречаю такое редкостное сочетание приличного бара и школьного буфета!

– Да, но в школьном буфете не подавали чизкейков и бутербродов с красной икрой, – улыбнулась Наташа и подвинула блюдо с бутербродами к мужчинам: – Угощайтесь, пожалуйста.

Щекочихин тут же накинулся на закуски:

– Икорочка...

– Зато какие в нашем буфете были сосиски в тесте! – вспомнила Олька.

– И бутерброды с кабачковой икрой, – смеясь, сказала Наташа.

– А я больше всего любил пирожки с ливером, – признался Калганов. – Один Бог знает, что туда клали, но было ужасно вкусно. Отчего-то сейчас их днем с огнем не сыскать.

– А Наташа такие умеет готовить, только вкуснее, – голосом Лисы Патрикеевны сообщила Олька.

– Да, пирожки у вас замечательные, – заметил Игорь и спохватился: – А я вас так и не отблагодарил.

– Ну что вы, – засмущалась Наташа.

– Позвольте хотя бы угостить вас, – засуетился Игорь. – Что бы вы предпочли: шампанское, вино, возможно, коньяк? Официант!

– Пирожки были компенсацией за удар лопатой, чтобы Калганов на вас в суд не подал, – снова не к месту влез в разговор Щекочихин. – Кстати, с чем они были? С котятами? И почему в вашем городе фарш...?

– Мда, Костя... Разве ты не говорил, что тебе презентацию к утру надо доделать? – вкрадчиво спросил у коллеги Игорь, думая, что тот до сего момента удачно скрывал, каким был дураком. – Знаешь, Костя, если не начать прямо сейчас, ты точно не успеешь.

– Презентация? А, ну ее! – отмахнулся Щекочихин. – Какая может быть презентация, если рядом такие леди? Кстати, наша гостиница в паре метров отсюда... Возможно, вы плюнете на свой балет, и мы продвинемся в более интимную обстановку?

– Прекрати, Костя! – жестко одернул его Игорь.

Наташа вспыхнула и вскочила:

– Знаете, мы лучше пойдем.

Оля тоже поднялась и с оскорбленным видом выложила только подошедшему официанту деньги.

– Всего хорошего.

Игорь подался за ними:

– Постойте! Прошу прощения за моего коллегу. Он перебрал...

Зазвенел звонок, и Наташа добавила, всем видом показывая, что разговор окончен:

– Нам все равно пора.

Когда обе женщины скрылись в зрительном зале, Игорь резко развернулся к коллеге.

– Какой же ты козел, Щекочихин!

* * *

– Нет, внешне этот Игорь, конечно, мачо. Брюнет, голубоглазый, высокий, – шипела в ухо Оля, когда они уселись в кресла. – А так, мужик как мужик, сидит себе, бухает. А

ты все – эстет, эстет... Эх, Наташка, когда ты перестанешь смотреть на мужчин в розовых окулярах? Сбрасывай давай.

– Уже, – буркнула Наташа. – Ты как всегда права.

– И чего ты на красивых западаешь? – возмущалась Ольга. – По-моему, уже пора поумнеть. Только представь себе – иметь такого мужа: да с ним придется не вылезать из спортзала и все время держать ухо востро, неизвестно, когда и куда его занесет. И с кем. Знаешь, красота для мужика вообще не главное, был бы сильный и надежный.

– Что же ты тогда жалуешься на Алика? – вздохнула Наташа. – Он тебя вместе с машиной, по-моему, поднять может. И не бросит никогда. Ни в прямом, ни в переносном смысле.

– Нет, ну, пожаловаться – это святое, – со знанием дела заявила подруга и похлопала Наташу по плечу: – Ничего, Золушка моя. Послезавтра познакомлю тебя с Юрь Васильичем, вот кто человек нормальный. Кстати, не пьет. Почти.

Наташа лишь промолчала. Настроение стало ни к черту. В зале потемнело, и действие второе началось.

Музыка Петра Ильича действительно была волшебной, и к Вальсу цветов Наташа решила, что за все надо платить – за прощание с заблуждениями тоже, а потому расслабилась, перестав кукситься на непонятного Игоря, его спутника, на зевающего с угрозой вывихнуть челюсть лысоватого соседа справа и на Ольку за то, что вечно права. Да, и позвольте, какие могут быть недовольства, когда под чарующие переборы арфы влетают над сценой легкие, словно розовые бут-

ны, балерины, когда с нежнейшими трелями флейт и скрипок перед глазами разворачивается самая настоящая сказочная пастораль, светлая и трогательная, а музыка вливается, словно живая вода, прямо в открытое сердце?

– Я счастлива, – сказала она Ольке, когда прозвучали последние ноты Апофеоза, и зал разразился аплодисментами. – И буду окончательно счастлива, когда сниму твои сапоги.

Хлопая и улыбаясь, Оля мотнула головой к выходу.

– Тогда скорее, пока в туалете не начался аншлаг.

Глава 3

Олька побежала сломя голову к вызванному мужем такси, а Наташе торопиться было некуда. До дома недалеко, можно прокатиться на троллейбусе одну остановку или спуститься на нижнюю улицу и дойти пешком, ловя ртом снежинки и слушая поскрипывание снега под подошвами.

Во всём тёплом и шерстяном Наташа была столь же грациозна, как арктическая медведица, ступающая меж льдов. Сумка, которую она держала в руке, свисала к земле, играя роль полезного отвеса. На него в случае не элегантного падения можно было и присесть – всё лететь ближе и мягче приземляться.

Дорожка к остановке, расчищенная в стиле заполярного пэчворка, казалась скользкой и недружелюбной. Тучная, щекастая луна ленивым глазом следила с черного неба, как суетятся вкусившие культуры человечки у музыкального театра. Героически набрав морозного воздуха в грудь, наша героиня присогнула колени, чтобы как завзятый конькобежец пуститься по бугристому льду. Занесла ногу... и тут ее окликнули:

– Наташа, постойте!

Это был Игорь. Во всей своей мачистской красе. Благо, один. Он помахал рукой несколько неуверенно, словно сомневался, что медведица в пуховике и дама в палантине из

театрального буфета – одно и то же лицо, но затем все же решительным шагом направился к ней. Наташа сжала пальцами в перчатке ручки сумки и зависла: в его глазах она уже была бабушкой в ватнике, домохозяйкой в розовом халате, леди в норке, которую впору приглашать в гостиницу на интим, хм... Говорила же Ольке, не надо такую яркую помаду. А теперь это была просто она, Наташа. Такая, как есть. В своих валеночного типа сапогах, недорогом пуховике и с сумкой, набитой книгами. Она ведь уже решила, что разочаровалась. Вздохнула три раза и собралась жить дальше, как обычно. Так что ему нужно от нее?

Если честно, хотелось развернуться и удрать к остановке. Но Игорь с королевской осанкой и благородной улыбкой шел к ней словно оживший герой рекламы дорогого мужского парфюма. Наташа со вздохом подумала, что для полноты картины сюда надо бы вставить белокурую нимфу в соболях поверх золотого вечернего платья, выпархивающую ему навстречу из Астон Мартина, а вовсе не учительницу английского языка в вязанной шапке. Но тут Игорь наступил на ямку и начал скользить, коряво раскачиваясь и пытаясь не упасть. Он мгновенно растерял всю свою импозантность и стал похож на обычного человека. Наташа не смогла удержаться от смеха. Хохоча, она шагнула к мачо и схватила его за рукав дубленки. Совершенно бесцеремонно. И не изящно. Зато он не упал. Перелом шейки бедра или хрустнувший копчик даже таким мачо ни к чему. Вновь вернув себе вер-

тикальное положение, Игорь тоже засмеялся, правда немного смущенно:

– Вы опять меня спасли. Кстати, уже второй раз за вечер...

– А? – изумленно взлетели вверх Наташины брови.

Игорь достал из кармана билет:

– Из-за вас я все-таки посмотрел второе действие балета.

Вы так вдохновенно говорили о Щелкунчике, и я подумал: настроение ужасное, с пьяным кретином, простите, Щекочихиным проводить остаток вечера – значит, добить себя окончательно. Вот я и бросился в кассу, реабилитироваться.

Наташа с интересом посмотрела на собеседника.

– И как? Не пожалели?

– Ничуть, – удовлетворенно сказал Игорь. – Место, правда, досталось отвратительное – балкон, второй ряд, в самом конце. Но, знаете ли, это оказалось не помехой. Я больше не смотрел, а слушал. Закрыв глаза и слушал. Что-то есть в этой музыке... Искреннее. Очищающее.

– Это музыка для сердца. От нее на душе светлеет и становится чудесно. Она меня часто спасает от грусти, – оттаяла Наташа, внезапно понимая, что недавнее разочарование развеялось будто дымок от угасшего костра. Ну, вот разве пошел бы добровольно тот же самый плешивый сосед, страдающий по орешкам, или хамовитый коллега Игоря вслушиваться в гармонию Чайковского? А Игорь пошел. Ах.

– Верно, и сейчас уже не кажется день прожитым зря, – добавил он.

– Что же вас так расстроило сегодня? Если это не секрет, конечно, – сочувственно поинтересовалась Наташа.

– Не секрет, – пожал плечами Игорь. – Но это не интересно.

– И все же?

– На конференции нам сегодня презентовали торговые условия на следующий год. Совершенно оторванные от жизни. В хэдофисе хотят прибылей. Но все делают, чтобы получить их было нереально. Ни им, ни нам. Сплошная жадность и бюрократия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.